
Александр ЛИВЕРГАНТ

ДАНИЕЛЬ ДЕФО: ФАКТ ИЛИ ВЫМЫСЕЛ

Фрагмент книги*

Один из этих писак, тот, что стоял у позорного столба, совсем забыл его имя... Автор «Чистокровного англичанина». Чистокровный проходимец. Безграмотный писака...

Джонатан Свифт

Пролог. По морям по волнам, или В погоне за козами

Неуживчив — и это еще мало сказано. Скандалит, пьет, чуть что пускает в ход кулаки. Однажды избил до полусмерти своего младшего брата-недоумка: тот внес в дом миску соленой воды, а Селкерк, решив, что вода питьевая, ее выпил. За младшего Эндрю вступились отец и старший сын Джон — досталось и им, а заодно и невестке, жене Джона, — не подворачивайся под руку. Приходской совет постановил, что Александр Селкерк обязан — или сам, или посредством бидла — явиться в церковь и, стоя лицом к кафедре, покаяться за домашние свары, ссоры с родителями, братьями и сестрами (детей у старшего Селкерка, сапожника, было семеро), за рукоприкладство и брань и пообещать исправиться «во имя Божие, с чем и будет отпущен».

Селкерк, однако, дожидаться, когда его отпустят, не стал, с юных лет он бредил морем, дальними странствиями, и 27 августа 1695 года, когда Александр — и не в первый раз — призван был попечителями и церковным старостой к порядку, находился он уже далеко. Шесть лет, пренебрегая уговорами отца и мольбами матери, бороздит морские просторы, промышляет именем его величества короля Вильгельма разбоем, а по возвращении ведет себя еще хуже, развязнее: пьет, буянит пуще прежнего, чуть что лезет в драку, не пропускает ни одной юбки — море его не перевоспитало. Морской волк, что тут скажешь.

Осень и зиму 1701–1702 годов Селкерк провел в своем родном шотландском городке Ларго, графство Файф, однако уже весной 1702 года вырвался на волю: вновь вышел в море. Рассуждал — если умел рассуждать — в точности, как Лэмюэль Гулливер:

Александр Яковлевич Ливергант — писатель, литературовед, переводчик. Родился в 1947 году в Москве. Окончил романо-германское отделение филологического факультета МГУ. Кандидат искусствоведения. Главный редактор журнала «Иностранная литература». Автор многочисленных статей и книг, посвященных английской и американской литературе, и переводов с английского; биографий Редьярда Киплинга (М., 2011), Сомерсета Моэма (М., 2012), Оскара Уайльда (М., 2014), Скотта Фицджеральда (М., 2015), Генри Миллера (М., 2016) и Грэма Грина (М., 2017), вышедших в серии «Жизнь замечательных людей», а также Вирджинии Вульф, Пэлема Гренвилла Вудхауса и Агаты Кристи (М.: АСТ). Живет в Москве.

* Книга «Даниель Дефо. Факт или вымысел» выйдет во второй половине года в издательстве «АСТ» (редакция Елены Шубиной).

«Надо думать, что сама природа и судьба предназначили меня к деятельной и беспокойной жизни»¹. Природа и судьба предназначили Александра Селкерка если и не к деятельной, то уж точно к беспокойной, рискованной жизни джентльмена удачи.

В этот раз Селкерк вышел в море под началом славного адмирала Демпфера, знаменитого пирата, грозы испанских, голландских и французских торговых судов. Снарядил Демпьер сразу два корабля: «Святого Георга», где капитаном был он сам, и «Пять портов» под началом Чарльза Пикеринга, помощником Пикеринга нанят был Томас Стредлинг, а боцманом — Селкерк. Вскоре после отплытия покладистый, здравомыслящий Пикеринг внезапно умирает, и на капитанский мостик поднимается Стредлинг, человек, как и Селкерк, властолюбивый, вздорный и скорый на расправу; с Селкерком его отношения не задались с первого дня. Стредлинг не терпел неповиновения, Селкерк же не признавал авторитетов, ни с кем и ни с чем не считался и вел себя, как и на суше, как ему в голову взбредет. О последствиях подобной вольницы он не думал.

10 февраля 1704 года оба корабля пристали к Масс-а-Тьерра, одному из островов архипелага Хуан-Фернандес, находившегося неподалеку от берегов Чили. Острову дикой, буйной природы, капустных пальм, перечных деревьев, гвоздичных перцев, гигантских черепах, диких коз и морских львов, над которыми корсары — ну как не оценить их чувство юмора — потешались на свой лад. «Когда львы вставали на задние плавники и широко, в надежде, что их накормят, раскрывали рты, — бесстрастно записал некий Фанелл, матрос с „Пяти портов“, ему вменялось в обязанность вести дневник путешествия, — мы вставляли им в рот пистолет и стреляли прямо в глотку». Забава, что и говорить, на зависть.

Дела пиратов меж тем складывались не лучшим образом. За проплывавшим мимо островов голландцем или французом угнаться не удавалось, пожить было нечем, все попытки высадиться в Санта-Марии, прибрежном городке в Перу, где пираты рассчитывали разжиться золотом, также успехом не увенчались. В результате Демпьер и Стредлинг повздорили и расстались, и Стредлинг вернулся на Масс-а-Тьерра, где в скором времени у них с Селкерком вспыхнула очередная ссора, и Селкерк сгоряча заявил, что со Стредлингом ему не по пути и он остается на острове.

Стредлинг был не из тех, кто поддается на шантаж, он поймал своего боцмана на слове, и Селкерка в тот же день со всеми его пожитками посадили в шлюпку и доставили на берег. Увидев, что шлюпка возвращается на корабль без него и «Пять портов» поднимает паруса, Александр одумался: вбежал по пояс в воду, стал махать руками, кричать что было сил, чтобы за ним вернулись, — но Стредлинг был неумолим.

А Селкерк — безутешен, он проклинал свою опрометчивость и первое время был близок к самоубийству. Раскаялся ли он? Вряд ли, такие, как Селкерк, редко каются, однако, как он потом расскажет, в первые дни своего одиночества он неотступно думал о Боге, молился, вспоминал церковь, где раньше бывал, прямо скажем, нечасто. Вспоминал и проповеди пастора, родной дом в Ларго, мать, которая заклинала сына не ходить в море...

Потом станет известно, что первое время он почти ничего не ел — отчасти от отчаяния, а отчасти из-за отсутствия на острове привычных вещей вроде хлеба, молока или сыра. Рыбы на острове было сколько угодно, но без соли он и рыбу есть не мог. И страдал бессонницей: сон сваливал его лишь под утро. Но вот прошла неделя-другая, и Селкерк, отдадим должное его мужеству и долготерпению, справился со своим горем, освоился и начал обживать. Построил из пальм две хижины, в одной спал, в другой кухарил. Добывал огонь, натирая, на индейский манер, щепки очень сухого переч-

¹ Перевод А. Франковского.

ного дерева. Среди вещей отыскал кое-что из белья и одежды, а когда она изнасилась, надевал козью шкуру (говорят, по возвращении в Англию он, напившись, шеголял в ней, разгуливая по родному Ларго). А еще — кремневое ружье, фунт пороха, топор, нож, чайник, Библию — увлекательное оказалось чтение, вдобавок кое-какие инструменты, пару книг о навигации, теперь, впрочем, бесполезных, а также глиняную кружку с выбитой на ней неприхотливой, зато жизнеутверждающей надписью:

Александр Селкерк.
Наполни сей бокал вином,
Корабль теперь твой отчий дом!

Теперь, увы, отчим домом Селкерка был не корабль, а необитаемый остров. Но-стальгия — и это при том, что без дела он не сидел, — брала свое. Каждый день Селкерк выходил на берег и глядел вдаль, не покажется ли парус на горизонте. Случалось, парус появлялся, и корабль даже бросал в виду острова якорь, но Селкерк боялся дать о себе знать: а вдруг это судно не под английским, а под испанским флагом? И то сказать, уж лучше жить на необитаемом острове, чем сначала угодить на многие месяцы в трюм испанского галеона, а оттуда — в тюрьму или на виселицу. Однажды он был очень к этому близок: на остров и в самом деле высадились испанцы, заметили Селкерка, погнались за ним, стреляли в него, но ему удалось скрыться.

По утрам он, безбожник и пьяница, распевал псалмы, молился и читал вслух Священное Писание — это чтобы не пропал голос. Питался он черепахами, речными раками, большими, как омары, а еще бурно разросшейся брюквой, водяным крессом и козлятиной, которую жарил или из которой варил наваристый бульон; по сравнению с брюквой и крессом жареная козлятина была истинным деликатесом.

Селкерк — раньше он и сам не знал этого за собой — оказался невероятно быстроног. Когда порох кончился, он начал гоняться за козами и, во что трудно поверить, догонял их! Однажды, правда, так увлекся погоней, что свалился в пропасть и три дня пролежал без чувств... Подсчитал и потом рассказывал, что за четыре с лишним года перестрелял в общей сложности пятьсот (!) коз. А пятьсот первую, по его же словам, пощадил. Ловил — какова сноровка! — и диких кошек. Нет, кошек он не ел, они были ему нужны, так сказать, в мирных целях, чтобы отбиваться от крыс, которые по ночам грызли ему ступни. Раскрыл он в себе и прочие способности, о которых раньше не догадывался. Забавы ради учил кошек и коз танцевать, а также вырезал свое имя на деревьях — пусть знают, что здесь жил Александр Селкерк!

Селкерк танцевал с козами, декламировал Священное Писание, проклинал свою злосчастную судьбу и даже не подозревал, что ему повезло больше, чем его жестокосердным обидчикам. Не повезло ни «Пяти портам», ни «Святому Георгу». Первый потерпел кораблекрушение, и хотя Стредлинг и несколько матросов спаслись, они попали в руки к испанцам, и что с ними случилось, догадаться нетрудно. Судьба второго корабля оказалась немногим лучше: «Святой Георг» был взят на abordаж голландцами, и славный адмирал Демпьер спустя несколько лет вернулся на родину гол как сокол и еще благодарил Создателя, что остался жив. Судовладельцы, впрочем, не отчаялись и спустя какое-то время снарядили еще два корабля: «Герцога» и «Герцогиню», и капитаном этой флотилии вместо Демпьера, который себя не оправдал и отошел от дел, назначили Вудса Роджерса, умелого и дельного моряка и, как впоследствии выяснилось не менее способного литератора.

3 января 1709 года «Герцог» и «Герцогиня», курсировавшие у бразильских и чилийских берегов, бросили якорь в гавани Масс-а-Тьерра, чтобы пополнить запасы прес-

ной воды, и, выйдя на берег, матросы обнаружили, как записал впоследствии Роджерс, «человека с топором, в козлиной шкуре, который выглядел куда более диким, чем те, кому эти шкуры ранее принадлежали».

Поначалу Селкерк был безучастен — не верил, видимо, своему избавлению, спасителей он поразил замкнутостью и полнейшим безразличием к своей судьбе. Но потом вдруг сообразил, что спасен, и так обрадовался, что лишился дара речи, только плакал и бормотал что-то нечленораздельное, добиться от него ответа, как он перенес одиночество, как справлялся с трудностями, было невозможно. Опытного и рассудительного Роджерса, впрочем, это нисколько не удивило: «Моряк как моряк. Прилагал все силы, чтобы остаться в живых».

Поднявшись на борт, Селкерк, однако, довольно быстро освоился и потряс даже бывалых моряков рассказами о том, как все эти годы охотился на коз. «Охотясь на коз, — записал Роджерс, — Губернатор (так Селкерка в шутку прозвали на борту) приобрел такую сноровку, что целыми днями без усталости бегал за ними по лесам и горам. Чтобы проверить, говорит ли бедняга правду, мы отправили на берег несколько наших самых быстроногих матросов, а также бульдога, и они одновременно с островитянином пустились вдогонку за козами, однако вскоре и собака, и люди выбились из сил, от Селкерка безнадежно отстали, он же вернулся на корабль с пойманной козой на спине. Наши люди были посрамлены».

В феврале 1709 года «Герцог» и «Герцогиня» подняли якорь, взяли курс на Британские острова и спустя два с половиной года, в октябре 1711-го, бросили якорь в Плимуте. Эти годы не прошли для доблестных пиратов и их судовладельцев даром; из ста семидесяти тысяч фунтов награбленного добра Селкерку — после освобождения он получил место помощника капитана на «Герцог» — досталось восемьсот; сумма по тем временам немалая.

Селкерк был теперь не только богат, но и знаменит. На чудо света, человека, прожившего на необитаемом острове четыре с половиной года и продемонстрировавшего фантастическую выживаемость и силу воли, приезжали посмотреть издалека. Посмотреть и расспросить. А если удастся, и записать его невероятные приключения. В 1712 году капитан Роджерс представил подробный отчет о своем плавании с длинным, как это было тогда принято, заглавием: «Превратности судьбы, или Удивительное путешествие вокруг света, где, среди прочего, повествуется во всех подробностях о некоем Александре Селкерке, который прожил на необитаемом острове в полном одиночестве четыре года и четыре месяца». А годом позже у Селкерка, говоря сегодняшним языком, взял интервью известный драматург, публицист и издатель Ричард Стил, очерк о Селкерке он опубликовал в декабрьском номере своего журнала «Англичанин» за 1713 год. «Я имел удовольствие часто беседовать с этим человеком. Слушать его было любопытно до крайности, — отмечает Стил. — Человек неглупый, он описывал, что „передумал и перечувствовал“ за столько лет одиночества».

Был ли пьяница, сын сапожника способен «описывать, что он передумал и перечувствовал», сказать трудно, но рассказывать свою диковинную историю Селкерк любил, он ощущал себя героем, недюжинной личностью и, эдакий шотландский Хлестаков, привирал, рисовался, приписывал себе подвиги, которые не совершал. Или эти подвиги приписывали ему его собеседники?

Четырехлетняя жизнь в полном одиночестве на необитаемом острове не отучила Селкерка от вранья, хвастовства, рукоприкладства, брани и пьянства. И сластолюбия. В своем родном Ларго прожил он после возвращения с Масс-а-Тьерра всего три года, после чего, соблазнив юную девицу Софию Брус, бежал с ней в Лондон, а после ее смерти, случившейся вскоре после бегства, утешился с еще одной красоткой Франсес

Кэндис, которой и завещал свое весьма солидное состояние. Про последние годы жизни Селкерка рассказывать особенно нечего. Жил в свое удовольствие, бездельничал, шатался по лондонским пивным и, напившись, во всех подробностях который раз рассказывал, как тяжело ему приходилось на острове. Когда же ему было уже за пятьдесят, он поступил штурманом на фрегат «Веймут» и из плавания не вернулся. В 1885 году, спустя 160 лет после смерти, Селкерку, местной знаменитости, установили в Ларго бронзовую статую. Только ли местной?

Про Селкерка еще при его жизни, помимо книги Роджерса и очерка Стила, выходили и другие сочинения, многие с интригующими подзаголовками: «подлинная история», «записано с его слов», «написано его собственной рукой». Не извольте, дескать, сомневаться, именно так все и было. Для пущей наглядности, достоверности, «научности» один из авторов, Айзек Джеймс, в книге 1800 года «Промысл Божий» снабдил свое повествование картой острова, где жил Селкерк, двадцатью четырьмя гравюрами, а также не поленился в этом же сочинении собрать и описать истории других моряков, волею судеб оказавшихся на необитаемом острове и проживших там долгое время в полном одиночестве.

Все эти сочинения — пусть в них и немало выдуманного, пусть они существенно отличаются одно от другого, друг другу противоречат — так или иначе основаны на фактах. И только одно, неоспоримо лучшее, — на вымысле, точнее сказать, на правдоподобном вымысле. В чем в чем, а в вымысле, выдающемся за правду, автор этого сочинения знал толк.

Глава I. «Кафедра проповедника не для меня»

1.

Только в одном Эттоне, деревне на сто домов, что находилась в пяти милях от Питерборо — в середине семнадцатого века крупного текстильного центра в графстве Нортгемптон на востоке Англии, — проживало одиннадцать выходцев из Фландрии, непревзойденных мастеров ткацкого дела, протестантов, бежавших с континента еще в шекспировские времена по приглашению веротерпимой Елизаветы I. И все одиннадцать носили одну и ту же фамилию Фо — разве что записывали фламандцев в церковных книгах по-разному: Фое, Фаух, Ваух, Фоое.

Выделялся среди них некий Даниель Фо, такого, как он, называли у нас диким барином: нетерпимый, грубый, вечно пьяный, себе на уме, никому доброго слова не скажет. Бабинным кружевом, как его соотечественники-фламандцы, не промышлял — охотился и разводил охотничьих собак, которых смеху ради нарекал именами английских военачальников времен гражданской войны. С этими Горингами и Уоллерами Фо охотился на зайцев и лис, ходил, говорили, и на волков. К дому Даниеля Фо было не подступиться: собаки рьяно и преданно охраняли своего хозяина — чуть зазеваешься, вопьются в ногу, а то и в глотку.

Даниеля в Эттоне не любили, не за что было, но побаивались и уважали: уж этот в обиду не даст ни себя, ни свою семью. Да, был строг, злопамятен, но и справедлив, в меру щедр, в завещании никого не обделил. Дал и на церковь, хотя навевывался в храм божий нечасто: был, как многие в годы гражданской войны, пресвитерианином, власти англиканских епископов предпочитал власть пресвитеров — выборных старейшин, а церкви — молеальный дом. Потому, вероятно, и дал на церковь немного: всего-то десять шиллингов. И бедным — столько же. Не забыл, само собой, и собственных детей, пресвитериан, как и отец. Старшему — как и он, Даниелю — досталось

по завещанию 80 фунтов, остальным, дочери и еще двум сыновьям, Генри и Джеймсу, — по пятьдесят. А все остальное — «любимой и преданной моей супруге и душеприказчице». И оговорил: деньги дети получают не раньше, чем им исполнится двадцать один год, а если не доживут, их долю надлежит поровну разделить между женой и другими детьми. Словом, всем сестрам по серьгам; сестер и братьев, к слову, у старика не было.

Когда дикий барин наконец умер (наконец, потому как умирал он долго и тяжело), его младшему сыну было не больше года. Об эттонской жизни Джеймса Фо знаем мы немного, почти ничего. Крещен, согласно церковным книгам, в мае 1630 года, тринадцатилетним подростком любил вместе со сверстниками играть в средневековой крепости Вудкрофт в миле от Эттона, что было совсем небезопасно. Нет, бояться следовало не привидений, хотя они в полуразрушенной крепости, конечно же, водились, а самых настоящих, из плоти и крови, солдат парламентской и королевской армии, в это время беспощадно истреблявших друг друга. Отрочество Джеймса Фо пришлось на годы кровопролитной борьбы за власть, которую с переменным успехом вели кавалеры, воевавшие на стороне Карла I, и «железнобокие» во главе с Оливером Кромвелем, сражавшиеся на стороне парламента. О чем читатель наверняка слышал, юный же Джеймс Фо, хотя война шла у него на глазах, даже и не подозревал.

Про Джеймса мы «начинаем знать», только когда он, окончив школу (какую — неизвестно), отправляется в Лондон и отдается в ученики мяснику, тоже, как и почти все лондонские торговцы, пресвитерианину Джону Левитту — сколь неожиданные и никому, в сущности, не нужные подробности порой сохраняются! А со временем, о чем имеется упоминание в приходской книге церкви Святого Джайлса в Крипплгейте, в лондонском Сити, и сам становится мясником и свечным торговцем, обзаводится домом на Фор-стрит, женой и детьми. В начале 1659 года — дочерью Мэри, а в конце этого же года (или весной следующего, биографы Дефо никак не договорятся) — сыном, как и дед, Даниелем. Сведений о других детях Джеймса Фо не сохранилось, но они, вероятнее всего, имели место, семьи тогда были многодетные. Много лет спустя автор «Робинзона» в письме лорду Галифаксу упоминает своего брата, имени которого не называет, — но разве можно Дефо верить: «брата» он мог выдумать точно так же, как выдумывал многое другое.

Если детство отца пришлось на смутное время гражданской войны, то детство сына — на крах недолго просуществовавшей республиканской власти и воцарение долгожданной королевской. Карл II Стюарт, сын Карла I, казненного парламентом, — этим «огузком», как его презрительно прозвали в народе, — после долгих и небезопасных скитаний по Англии и Шотландии, многих лет, проведенных на чужбине, при дворе извечного врага Англии французского короля, причалил к берегам отечества и высадился в Дувре 25 мая 1660 года. Примерно тогда же, быть может, даже в те же майские дни появился на свет и автор «Робинзона Крузо».

* * *

Деревянная лошадка на палке, хлыстик, выструганный из ивовой ветки, и картонная мельница — дело его собственных рук, интересовали юного Даниеля куда больше, чем всенародное ликование, с каким встречен был совсем недавно гонимый, а ныне желанный, горячо любимый монарх, чья пышная коронация состоялась спустя почти год, 22 апреля 1661 года. Ликование ничуть не меньшее, чем когда его отцу сначала отрубили голову как «тирану и изменнику отечества», а потом канонизировали как святого-великомученика.

Да, встречен был монарх с ликованием, однако на определенных «ограничительных» условиях. За Карлом, по соглашению с членами Палаты общин, сохранялось право назначать министров, созывать и распускать парламент, возглавлять вооруженные силы. Вместе с тем король лишался права устанавливать налоги, изменять законы и обязывался упразднить Звездную палату — высший королевский суд; жертвы немалые.

Авторитетный биограф Дефо Уильям Ли сетует на то, что такой блестящий прозаик и историк, как Дефо, не удосужился написать «реставрационную» историю Англии шестидесятых годов, в которой уделил бы немало места многим достопамятным парламентским актам и королевским приказам, возвращавшим страну в дореволюционные, докромвелевские благословенные времена. Описал бы — хотя по малолетнему возрасту принимать в них участия никак не мог — такие исторические события, как Акт о расформировании кромвелевской армии, Акт о ненаказании за преступления, совершенные при республике. Под политическую амнистию, оговоримся, попадали далеко не все злокозненные противники королевской власти.

Как Акт 1662 года об единообразии, согласно которому восстанавливалась государственная англиканская церковь (во время революции епископат был упразднен, и доминирующей церковью была пресвитерианская), и английские священники в обязательном порядке должны были пользоваться теперь «Книгой всеобщей молитвы» и принимать причастие по единому закону англиканской церкви, в случае же неповиновения изгонялись из своих приходов. Этот акт, таким образом, был направлен против всех протестантских сект, которым запрещались собственные богослужения, что раскольников (или, если по-иностранному, диссентеров, диссидентов, нонконформистов), какими был Джеймс Фо и будет, когда вырастет, его сын, никак не устраивало; Богу, как и все диссентеры, они ходили молиться не в церковь, а в молельный дом, подальше от официально назначенного англиканского духовенства, которое, согласно давнему Акту о супрематии, подчинялось примасу англиканской церкви архиепископу Кентерберийскому, а епископ Кентерберийский, в свою очередь, назначался монархом — главой англиканской церкви.

Описал бы вновь возникшие, на радость лондонцам, и долгие годы запрещенные увеселения вроде открывшихся при гостиницах игорных домов, танцевальных залов и кофеен. В одних своеобразных клубах (клобах, как говорили у нас в позапрошлом веке) собирались дельцы, в других — представители свободных профессий: писатели, актеры, художники. Вроде вновь разрешенных и пользовавшихся у простого люда огромной популярностью петушиных боев и медвежьих садков, неугодных суровым, непримиримым, богобоязненным пуританам — Богу надо молиться, а не медведей травить. Вроде наконец-то, после долгого перерыва открывшихся театров; в пору революции пуритане их позакрывали, здания театров сносили, театральные представления запрещали, а актеров приравнивали к бродягам и безжалостно изгоняли из городов.

Коснулся бы таких знаменательных явлений, как положение распущенной кромвелевской армии. Как учреждение Королевского научного общества, осененного именами столь громких научных авторитетов, как Роберт Бойль, Исаак Ньютон, Томас Гоббс. Как всенародно объявленная веротерпимость (Карл был скрытым католиком и, в сущности, не делал из этого тайны), которая плохо сочеталась с запретительным Актом о единообразии. Указ о прекращении всех религиозных гонений в отношении пресвитериан, пуритан и католиков, полное равноправие, которое воспринималось свидетельством монаршей любви к своему народу и давно желанным всепрощением, в действительности означали непротивление «веселому королю», как называли Карла — сластолюбца, любителя охоты, лошадей, театра и актрис.

«Уделил бы», «описал бы», «коснулся бы» — сослагательное наклонение здесь уместнее изъявительного. Ведь когда Дефо вырастет настолько, чтобы написать бурную историю шестидесятих годов, в ней разобраться, на троне будет восседать другой монарх, которому может не понравиться, как автор трактует события эпохи Реставрации.

Только много позже на своем печальном опыте Даниель Фо убедится: быть предпринимателем, торговать мясом, чулками и свечами ни ему, ни его отцу не возбраняется, но продвижение по общественной лестнице для неконформистов, членов протестантских «инакомыслящих» сект, отвергавших государственную церковь, если и не запрещено, то крайне затруднено и в случае неповиновения чревато самыми серьезными последствиями. Даже в относительно либеральные времена Карла II инакомыслие, особенно церковное, не приветствовалось — что ж, у всякой веротерпимости свои границы. «Пожалуй, этот правитель, из всех стоявших в Англии у власти, наилучшим образом понимал страну и народ, которым управлял», — заметит много позже Дефо. Эти слова — не столько панегирик королю, из тех, на которые Дефо всегда был горд, сколько признание того, что народ к веротерпимости не готов, что объявленная веротерпимость — циничное славо- и пустословие.

* * *

Судьба — перефразируем Пушкина — Даниеля и его родителей хранила — ведь семья Джеймса Фо жила в Сити, центре сразу трех бедствий, почти одновременно обрушившихся на английскую столицу. За эпидемией бубонной чумы, уже третьей в этом столетии, последовал Великий лондонский пожар, а на следующий год — очередная война с Голландией.

Вторая война с Голландией, в отличие от первой, победоносной, 1652—1654 годов, повергла нацию в трепет и стыд: в июне 1667 года голландский флот — подумайте только! — вошел в устье Темзы. Не иначе — заговор папистов! Началась паника, подогреваемая тяжкими поражениями на море, разногласием между адмиралами и мятежами матросов, бунтующих против взяточничества и насильной вербовки.

Годом раньше, в сентябре 1666 года, после засушливого лета в городе вспыхнул не унимавшийся несколько дней пожар. В Великом лондонском пожаре сгорели тринадцать тысяч домов, больше полтора ста церквей, выжжены были целые улицы, выгорел весь район Сити между Тауэром и Темплом. «Многие не покидают своих жилищ, пока огонь не начнет лизать им одежду, — читаем в увлекательнейших дневниках тогдашнего секретаря Адмиралтейства Сэмюэля Пипса. — Король в панике: „Я-то что могу поделывать? Я человек конченный. Народ меня не слушается. Думаете я не сношу дома? Увы, огонь действует быстрее нас“².

А еще двумя годами раньше, поздней осенью 1664 года, в Лондон пришла чума, уже третья за столетие, и продолжалась она до осени следующего года. «Бедняки умирают в таком количестве, что подсчитать число покойников невозможно... Боже, как пустынно и унылы улицы, как много повсюду несчастных больных — все в стружьях... По улицам тащатся телеги с мертвецами, и возница тоскливым голосом возвещает: „Покойничков берем! Выносите своих покойничков!“ Только и разговоров: этот умер, этот болен, столько-то мертвецов здесь, столько-то там. Говорят, в Вестминстере не осталось ни одного врача, одни аптекари — поумирали все»³.

Семья Фо, однако, никак от сей кары небесной не пострадала. И война, и пожар, и даже чума прошли стороной. Что же, правоверного пресвитерианина Бог спас? Или

² Сэмюэль Пипс. Домой, ужинать и в постель. Из дневников / Пер. А. Ливерганта. М.: Текст, 2010, с. 40—60.

³ Там же.

Джеймс Фо, вняв совету рассудительного старшего брата, шорника Генри Фо, вовремя вывез семью из Лондона, когда смертельная болезнь еще только «набирала обороты»? А может — существует и такая версия — подверг жену и детей многомесячному домашнему затворничеству? О лондонской чуме Дефо напишет много лет спустя, не сообразуясь с собственным опытом. В 1665 году ему не было и пяти лет.

2.

Детские годы автора «Робинзона», насколько нам известно (а известно крайне мало), ничем от детских лет любого городского мальчишки, будь то вторая половина семнадцатого века или первая двадцать первого, не отличались. Был юный Даниель жизнерадостен, решителен, при этом упрям и замкнут. Отличался живостью характера, независимым нравом, чувством справедливости, от которого он еще очень страдает в жизни. В одном из номеров своей газеты «Обозрение» однажды отметит: «Подравшись с одним мальчишкой и сбив его с ног, я вдруг понял, что такое благородство, понял, что нельзя бить противника, когда он лежит на земле».

А еще был самолюбив, хвастлив, скромностью не отличался — он и повзрослев на похвалы себе не скупился, — как, кстати, и его герой Робинзон Крузо. Умел настоять на своем, дать, если что, сдачи и пользовался у сверстников уважением, не раз выручал друзей из беды. Был необычайно любопытен, «я любопытствовал обо всем на свете», — скажет он о себе годы спустя. Любопытен и энергичен, называл себя «фонтаном энергии». «Голова моя наполнялась планами и проектами, совершенно несбыточными» — это Дефо скажет о Робинзоне, но с тем же успехом мог бы сказать и о себе.

Шалун и драчун, эдакий Гаврош, проводивший на улице большую часть времени, он вместе с тем к родителям прислушивался. И прежде всего — к отцу, человеку здоровомыслящему, при этом по-пуритански суровому, принципиальному и на расправу скорому. Покорно, жертвуя желанным уличным досугом, Даниель, по настоянию Джеймса Фо, часами переписывал Библию — других книг набожный глава семьи дома не держал. Внушал сыну: «Не ленись, переписывай Слово Божье, не ровен час, явятся католики и сожгут наше протестантское Священное Писание». Переписывать Святое Писание у нонконформистов было принято, и в первую очередь Пятикнижие, Даниель переписывал не без удовольствия и знал его назубок, ничуть не хуже Джона Беньяна, своего старшего современника и наставника.

Отца, иной раз сына под горячую руку наказывавшего, Даниель послушаться не решался, зато с матерью, Алисой Фо, женщиной смирной, покладистой, считался далеко не всегда. «Будешь ко мне вязаться, — пригрозил ей однажды сын, — домой с улицы не вернусь и ужинать не буду, так и знай!» В то же время — не в детстве, а уже взрослым человеком — Даниель отдавал матери должное, вспоминал: «Мать за мной по улицам не бегала, говорила — проголодается, сам придет». Мальчик при всем своем бесстрашии восприимчивый, эмоциональный, чуть что в слезы, он тяжело пережил утрату безвременно умершей матери, и десяти лет его пришлось лечить от того, что теперь мы называли бы нервным срывом; отец даже возил сына на целебные источники, на юг, в графство Кент.

Был Даниель пытливым, мог часами заворожено смотреть, как плетут корзины, рубят мясо или лепят свечи. И не только смотрел, но и быстро, сметливо овладевал этими навыками — вот и его герой Робинзон был ведь мастером на все руки, не чурался никакой работы, у героя Дефо, правда, в отличие от его автора выхода не было.

Когда Даниелю было восемь лет, исполнилась его давнишняя мечта: отец взял его с собой в Ипсвич, и мальчик обомлел — впервые в жизни увидел он море и стоявшие на якоре огромные парусники. Дух далеких, рискованных странствий, тоска по всему крайнему, чрезмерному, запредельному, таинственному овладели им тогда и никогда уже больше его не покинут. Советы степенного, правильного отца «не бросаться очертя голову навстречу бедствиям»⁴ были разом забыты. «Какой же деловой город Ипсвич! — будет вспоминать Дефо. — Какие огромные, могучие угольщики, что ходили между Ньюкаслем и Лондоном!»

3.

Сам Джеймс Фо был торговцем, сына же видел «пастырем божьим», уж никак не торговцем, тем более моряком. И потому отправил его в диссидентскую семинарию Ньюингтон-Грин с громким названием академия; таких академий было тогда в Англии несколько. Находилась академия в пригороде Лондона Сток-Ньюингтон. Спустя тридцать с лишним лет, в 1709 году, Даниель поселится здесь, сначала будет дом снимать, а потом построит свой собственный. В Ньюингтоне родилась и его жена — но мы торопим события...

До Ньюингтона Даниель учился в начальной школе преподобного Джеймса Фишера в Доркинге, в 25 милях от Лондона. Сколько времени он учился, кто его учил и как, нам решительно неизвестно. В Ньюингтоне же Даниелю предстояло учиться три года, а при желании — и все пять, до 1678 года. Отец, человек состоятельный, денег на обучение сына не жалел — пусть учится хоть десять. «Должен отдать должное моему престарелому родителю, — писал Дефо спустя годы. — Торжественно заявляю: если я глуп по сей день, то виноват в этом только я сам, отец же мой ничего не жалел для моего воспитания». И ведь действительно не жалел: пятилетнее обучение, в отличие от трехлетнего, обязательного, стоило в академии немало.

Судя по всему, идти в семинарию Даниелю хотелось не слишком, впрочем, и уходить из нее раньше времени он также не стремился. «На мою беду, — будет вспоминать он, — меня сначала, против моей воли, отдали в сие достойнейшее заведение, а потом, опять же против воли, из него забрали». Дефо запомнил: все было не совсем так, а вернее, совсем не так — Даниель, можно сказать, забрал себя из Ньюингтона сам.

«Достойнейшее» — иначе не скажешь; в семинарии учили ничуть не хуже, чем в Оксфорде или Кембридже, куда сыну пресвитерианина, нонконформиста путь был заказан. Учили отнюдь не только богословию, как в семинарии положено, но и многим другим — «мирским» — наукам; «Оптику» Ньютона и «Элементы» Евклида, которые изучал в Ньюингтоне Даниель, богословием при всем желании не назовешь. Учили математике, астрономии, логике, философии, истории, географии (которая давалась сыну Джеймса Фо с его страстью к путешествиям особенно легко). И языкам, конечно. Юный Даниель не только читал по-древнегречески и на латыни, но и вполне складно писал на этих языках. Бегло говорил по-французски и по-испански, изъяснялся на итальянском и даже — худо-бедно — на голландском.

Учили, словом, в Ньюингтонской академии на совесть. Учили до тех пор, пока спустя тридцать пять лет, в 1714 году, парламент с подобными «крамольными» учебными заведениями не покончил Актом против раскола (Schism Act), инициатором которого, парадоксальным образом, явился один из самых образованных людей своего времени, видный тори, друг и корреспондент Свифта, Генри Сент-Джон лорд Болингброк, о котором еще будет сказано.

⁴ Роман «Робинзон Крузо» здесь и далее цитируется в переводе М. Шишмаревой.

При том, как легко давались Даниелю науки, своими обширными познаниями он, хвастун по природе, не хвастался, отдавал должное соученикам, пусть и не столь даровитым и работоспособным. И как и в детстве, отличался повышенным чувством справедливости, нравом решительным, благородным: «Дать сдачи негодяю я готов был всегда, но никогда не хватало мне красноречия назвать негодяя негодяем, а дурня дурнем». Подобному искусству — заметим вскользь — он мог бы поучиться у своего младшего и не менее именитого современника, доктора Джонатана Свифта: автор «Гулливера» в своем «Экзаминере» не выбирал выражений, причем «галантерейщику» Дефо от настоятеля дублинского собора Святого Патрика доставалось едва ли не больше, чем остальным.

Да, был скромнен, незаносчив и в то же время знал себе цену. Вот что напишет он о себе в третьем лице в ответ на обвинения Свифта в невежестве: «1. Французским владеет так же бегло, как и своим родным английским. 2. Обладает достаточными познаниями в области экспериментальных наук. 3. Знаток географии, весь мир у него как на ладони. 4. Искусен в астрономии. 5. Начитан в истории». Чем, казалось бы, не безудержный панегирик самому себе? Вместе с тем каждый «пункт самовосхваления» кончается одной и той же нелицеприятной репликой как бы от имени Свифта, своего рода ироническим, «снижающим» рефреном-комментарием: «А все же человек этот необразован».

Себя судил строго, да и относительно своего окружения особых иллюзий не питал. С самого начала, еще до Ньюингтона и до самой смерти, «недорого ценил громкие права»: знатность, достаток, эрудицию ставил ниже чести и справедливости — если воспользоваться названием одного из лучших его памфлетов «Призыв к чести и справедливости». Об этом же его весьма неприхотливое двестишье из поэмы «Чистокровный англичанин», о которой еще будет сказано:

Хорош не тот, кто знатен и богат,
А тот, кто помощь оказать вам рад⁵.

Да, громкие права судил недорого, что, однако, не мешало ему во все времена стремиться к знатности и богатству, считать себя джентльменом — «образцовым джентльменом», как он назовет один из своих последних памфлетов. И обижаться и раздражаться, когда ему в праве называть себя джентльменом отказывали.

* * *

Возглавлял академию преподобный Чарльз Мортон, талантливый, высокообразованный проповедник, человек во всех отношениях незаурядный. Ему Дефо, да и другие ученики обязаны были не только знаниями, но и стойкостью, принципиальностью инакомыслия, глубокой верой, «ясным, — напишет Дефо, — пониманием вещей и столь же ясным выражением своих мыслей». Убежденный неконформист и пресвитерианин, Мортон привил академии сектантский дух, который Дефо сохранит на всю жизнь. В 1685 году, когда Даниеля в Ньюингтоне уже не было, Чарльз Мортон бежал от преследования сторонников «единой и неделимой» англиканской церкви в Америку, где долгое время читал проповеди в церкви городка Чарльзтаун, а в конце жизни дослужился «до степеней известных», стал вице-президентом Гарварда — блестящая карьера, сказали бы сегодня.

⁵ Перевод Д. Урнова.

В Ньюингтоне Дефо слушал проповеди и еще одного незаурядного человека, ныне признанного классика английской литературы. Джон Беньян, сын деревенского лудильщика, солдат кромвелевской армии, негнибемый пуританин, написал «Путь паломника» в тюрьме, где отсидел двенадцать лет и куда попал за то, что отказался примкнуть к официальной англиканской церкви. Иносказательная, «суровая» (Пушкин) проза Беньяна сразу же нашла своего читателя: «Путь паломника» в одночасье стал бестселлером, многократно переиздавался общим тиражом более ста тысяч экземпляров — такой цифре позавидовали бы и сегодняшние издатели. Сложные аллегории Беньяна тогдашний читатель-диссидент, даже и едва умеющий читать, расшифровывал без труда. В «Пучине отчаяния», к примеру, он угадывал жизнь, исполненную пороков и искушений, а в Христианине, одетом в лохмотья, с книгой в руках, странствующим в поисках Небесного града, — незавидную участь пуритан, своих единоверцев. Это у Беньяна Теккерей позаимствовал название своего лучшего романа. В «Пути паломника» «Ярмарка тщеславия» (или, в старом переводе, «Ярмарка житейской суеты») — одно из тех мест, куда, бежав из Града разрушения, попадает Христианин — житейская суета преследует его повсюду.

Вместе с Даниелем Фо проповеди Мортон и Беньяна слушали многие учащиеся академии, ставшие со временем людьми известными. Одни, сменив гнев на милость, отошли от инакомыслия, сделались правоверными англиканами и кончили жизнь если и не в богатстве и почете, то, по крайней мере, в своей постели. Другие остались непримиримыми раскольниками и вынуждены были скрываться или бежать из страны, чтобы не сесть за решетку, как Беньян, или не подняться на эшафот, как друзья Даниеля по Ньюингтону Баттерби, Дженкинс и Хьюлинг, участники, как, кстати, и сам Даниель, мятежа герцога Монмута. Обратим внимание на двух его соучеников. Первый, пресвитерианин Сэмюэль Уэсли, с возрастом не только отошел от расколичества, но стал ревностным гонителем инаковерующих. Второй же соученик, в будущем известный пресвитерианский проповедник, примечателен прежде всего своим именем — Тимоти Крузо; Дефо его увековечил.

В Ньюингтоне Даниеля прилежно учили религиозному инакомыслию. Но — не религиозной нетерпимости. Нетерпимым он не станет; протестант, более того — диссидент, он будет приверженцем «золотой середины», лояльным ко всем конфессиям — протестантским, разумеется. И эта золотая середина ему, как мы увидим, боком выйдет, и не раз.

Проповедником, однако, не станет. В 1678 году заявил: «Кафедра проповедника не для меня». И покинул Сток-Ньюингтон, не доучившись и повздорив из-за этого с отцом: Джеймс Фо хотел видеть в сыне священника. Почему младший Фо отказался «идти по проторенной церковной линии», остается только гадать. То ли он не чувствовал в себе призвание клирика. То ли, будучи сыном раскольника, понимал, что пастором англиканской церкви ему, при всех его способностях и знаниях, не быть. То ли ему, человеку с детства азартному, увлекающемуся, хотелось испытать себя в мирских делах, в жизни, которая не ограничена церковной кафедрой и потребует от него способностей куда более разносторонних.

Как бы то ни было, в 1678 году, неполных девятнадцати лет, Даниель покидает Ньюингтон. И в этом же году — вряд ли это случайное совпадение — на корабль впервые в жизни садится его alter ego, моряк из Йорка Робинзон Крузо. И выпускник богословской семинарии, и выдуманный им литературный персонаж вопреки родительской воле подчинились своему природному влечению, толкавшему обоих — перефразируем сказанное в романе — «к злоключениям, которые выпали на их долю».